

В.С. Флёров

«ГОРОДА» и «ЗАМКИ»
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА
Археологическая реальность

V.S. Flyorov

«CITIES» AND «CASTLES»
OF KHAZARIAN KAGANATE
Archaeological Reality

Валерий Сергеевич Флёров
«Города» и «замки»
Хазарского каганата.
Археологическая реальность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816649

«Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность:

Мосты культуры/Гешарим; Москва; 2011

ISBN 978-5-93273-333-0

Аннотация

«Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. – 264 с. Термин «город» утвердился в археолого-исторической литературе при описании некоторых городищ Хазарского каганата. Насколько он обоснован материалами раскопок? В.С. Флёров приходит к отрицательному ответу: в Хазарском каганате городов не было. Решение проблемы автор нашёл в строгом рассмотрении археологического материала памятников каганата, претендующих на статус города. В общем виде программа исследований сформулирована так – город или что-то иное. Для Хазарии она может выполняться на основе планов поселений, типов построек, размеров фортификационных сооружений, наличия ремесленного производства. В книге исследуются также

социально-экономические вопросы: о кочевании, развитии экономики, феодализме, степени централизации в каганате.

Содержание

От автора	5
Термин «город» и что за ним стоит	14
Из истории и историографии города	14
В поисках хазарских городов	26
Бассейн Дона – Северского Донца	35
Саркел-Белая Вежа	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Сергеевич Флёров

«Города» и «замки»

Хазарского каганата.

Археологическая

реальность

Памяти Раио Раиева

От автора

Идея предлагаемой читателю книги формировалась исподволь. Первый толчок дала необходимость самому себе объяснить, как же в конечном итоге определять в терминах и по существу Семикаракорское городище, которое я копал в 1971–1974 гг., и исследуемое мною донныне Правобережное Цимлянское городище.

За Правобережным Цимлянским, как и за Маяцким, издавна закрепился термин «замок». С Маяцким городищем и прилегающим к нему поселением я хорошо знаком, будучи свидетелем, а эпизодически и участником их раскопок, проводившихся в 1975? 1977–1982 гг. под руководством С.А.

Плетнёвой и А.З. Винникова.

Сложнее было с Семикаракорским городищем, на месте которого изредка предполагалось открыть руины «города», а равно и с Саркелом, который прямо называют городом. С Саркелом познакомиться на месте сегодня невозможно – он давно затоплен Цимлянским водохранилищем, но с высоты Правобережного городища хорошо видно место, где он находился. Нетрудно представить, насколько в своё время миниатюрными выглядели белокаменный Правобережный «замок» и краснокирпичный «город» Саркел – Левобережное городище на фоне бескрайней степи.

О дальнейшем развитии темы нетрудно догадаться. Как по цепочке, одно за другим, пришлось рассматривать те городища салтово-маяцкой культуры, о которых имелись более или менее подробные сведения. За пределами исследования пришлось оставить земляные городища – слишком незначительно они раскопаны. Впрочем, я и ограничил объём работы в основном белокаменными и кирпичными крепостями.

Сомнения в том, что в каганате существовали города, возрастало, и впервые (не считая мелких публикаций) я обнародовал их в статье с простым заголовком «Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы» (2005). Именно археологический, так как письменных данных о населенных пунктах каганата почти нет. Исключения – смутные известия о Беленджере, Семендере и более

пространные – об Итиле. О крепостях бассейна Дона, кроме Саркела, вообще ни слова.

Интерес к теме подогревался идущими уже несколько лет раскопками городища Самосделка в дельте Волги. Итиль? Не Итиль?

Наконец, возникли вопросы, что же считать «хазарским городом» и по каким признакам его остатки можно выделить среди городищ; как определить ту историческую черту, за которой большое поселение становится городом? Далее логика исследования помимо моей воли с неизбежностью привела к теме социально-экономических отношений в каганате и проблеме феодализма.

К сожалению, какой бы вопрос ни приходилось затрагивать, везде сталкиваешься с недостатком, а то и полным отсутствием надёжной информации. В какие-то моменты необходимо было воздержаться от излишней конкретизации, чтобы не пойти по весьма ненадёжному пути реконструкций. Я в принципе не сторонник окончательных выводов и излишних предположений, особенно когда одно предположение обосновывается предшествующим. Возникает «карточный домик», который неизбежно рухнет. Археологические источники исчерпаемы, и то, что неизвестно и неясно сегодня, станет известно следующему поколению археологов. Иного пути нет, но обсуждение текущих проблем необходимо вести постоянно. Таким обсуждением и является большая часть книги. В ней не следует искать чёт-

ких ответов на многие вопросы. Вместе с тем *на мною же поставленный вопрос я отвечаю твёрдо: городов в Хазарском каганате не было.*

В небольшой книге совершенно невозможно приводить все существующие определения понятия «город». Общего для всех эпох и культур и быть не может. Если в политэкономии, особенно марксистской, такие дефиниции созданы, то применить их к археологизированным объектам разной сохранности оказывается чрезвычайно сложно. Но это никак не избавляет от новых попыток, которые со временем будут всё продуктивнее.

Тема книги требовала посмотреть, что представлял собой процесс урбанизации за пределами каганата. Экскурсы в Византию, на Балканы и на Ближний Восток оказались чрезвычайно полезными. Разумеется, они не могут подменить поиск специфики «хазарского пути» развития общества, но и саму эту специфику можно обнаружить только на фоне урбанизации в современном Хазарскому каганату окружении. Особенно продуктивно обращение к исследованиям по проблемам становления ханских резиденций в Первом Болгарском царстве, имеющем общие исторические корни с Хазарским каганатом. Надо признать, что в (пра)болгаристике многие проблемы урбанизации на сегодня разработаны полнее и глубже, нежели в хазароведении. Тема позднеантичного-ранневизантийского города и поселений городского типа, «аула», «лагеря» и собственно средневекового болгарского

города не сходит со страниц болгарских археологических и исторических изданий.

Мало того, оказалось не лишним обратиться и к «классической» медиевистике Западной Европы, хотя это и не нашло прямого отражения в книге. Отмечу лишь, что громадный фактический материал, источники и изложение теорий и истории происхождения города, реже замка, Западной Европы содержатся в изданиях второй половины XIX–XX вв. Я преднамеренно почти не касался истории становления города на Руси и признаков древнерусского города. По некоторым впечатлениям, список ранних древнерусских городов должен быть пересмотрен в сторону сокращения.

Далеко не всё, затронутое в моей очень небольшой книге, освещено в равной степени. В этом отношении я оказался в прямой зависимости от публикаций других авторов, ведь в научной литературе городища Хазарского каганата описаны далеко не в равной степени подробностей. Различен и научный уровень публикаций. Не все нужные для работы украинские издания последних лет оказались мне доступны, как, впрочем, и российские региональные издания.

Большие трудности вызывала проблематика пребывания хазар в Крыму, особенно в Сугдее. Разноголосица в оценке хазарского наследства на полуострове необычайна и не вполне соответствует степени опубликованности материалов раскопок.

Общее впечатление от состояния проблемы городов в

Хазарском каганате в конечном итоге оказалось для меня неожиданным: подавляющее большинство многочисленных статей содержит не рассмотрение археологической конкретики, а *мнения, представления и реконструкции*. Прокomentarить и даже просто упомянуть все известные высказывания по поводу интерпретации хазарских городищ было невозможно, тем более что пришлось затронуть и некоторые общие проблемы археологии и истории Хазарского каганата. Список использованной литературы и без того чрезмерен.

При всех моих критических замечаниях к трудам С.А. Плетнёвой, должен признать, что она единственная, кто попытался разобраться в целом, что же такое хазарский город. Другое дело, что она исходила из собственного не оправдавшегося предположения о том, что в Хазарском каганате города должны быть непременно. Тема города, надо это помнить, лишь одна из страниц её большого научного наследия, которое заслуживает специального объективного исследования. Именно объективного, поскольку вся археология Хазарского каганата – это непрекращающаяся дискуссия между авторами часто взаимоисключающих мнений.

В данной книге в значительной степени преобладает историографический элемент. В археологии, как в любой отрасли знания, периодически возникает необходимость разобраться в нагромождении накопленных гипотез, толкований опубликованных материалов и в итоге выудить из них самое ценное и действительно новое.

Круг лиц, кто действительно помогал мне в работе, невелик. Татьяна Михайловна *Калинина*, несмотря на постоянную загруженность, выкраивала время для неоднократного чтения рукописи. Многое было исправлено и заново переписано по её очень доброжелательным и ненавязчивым замечаниям.

Обязанности постоянного домашнего корректора и редактора выполняла моя жена Валентина Евгеньевна *Флёрова*, сама причастная к археологии Хазарского каганата.

Бесконечная признательность моим верным друзьям Людмиле *Дончевой-Петковой* и её супругу Петью, заботами которых я смог объездить ряд интереснейших археологических памятников Болгарии. Увиденное в этих экскурсиях мне очень пригодилось в работе над книгой. Перефразируя известную пословицу, могу сказать – лучше один раз увидеть, чем много раз читать описания.

Но и без болгарской литературы обойтись было невозможно. Искренне признателен культурологу профессору Цветелину *Степанову* и молодым археологам Евгении *Коматаровой-Балиновой* и Марии *Христовой*, постоянно снабжающим меня новейшей болгарской археологической литературой.

Владимир Яковлевич *Петрухин* – центральная организу-

ющая фигура отечественного хазароведения и его представитель в связях с иностранными коллегами. Только благодаря его неимоверным усилиям удавалось в рамках «Хазарского проекта» в течение восьми лет продолжать раскопки Правобережного Цимлянского городища. Раскопки носят не только научный, но и спасательный характер. Если бы не его инициатива, Цимлянское водохранилище полностью уничтожило бы всю восточную стену белокаменной крепости без предварительного её исследования. Как видно из прилагаемой статьи Владимира Яковлевича, наши взгляды на ряд проблем могут не совпадать, что не мешает продолжать наше сотрудничество.

Человек, без которого рукопись не превратилась бы в книгу, – глава издательства «Гешарим-Мосты культуры» Михаил Львович *Гринберг*. Моё обращение к данному издательству совсем не случайно. «Гешарим» принадлежит к числу лучших современных *культурных* издательств равно России и Израиля. Культурных в том смысле, как это понималось во времена К.Т. Солдатенкова, братьев М.В. и С.В. Сабашниковых, И.Д. Сытина. Тематика издаваемых в «Гешариме» книг чрезвычайно обширна, но мне приятно отметить, что среди них заметное место занимают посвященные хазарской истории и археологии, в том числе объёмистые и прекрасно оформленные два тома «Хазары», выпущенные в 2005 и 2011 гг. У меня есть и особая причина быть признательным М.Л. Гринбергу – «Гешарим» почти полностью финансиру-

ет издание книги!

* * *

К громадному сожалению, выражать признательность крупному болгарскому историку и археологу Рашо Рашеву приходится посмертно. С ним меня связывали общие интересы в археологии праболгар и добрые приятельские отношения со времени нашего знакомства в 1970-х гг. на раскопках Маяцкого могильника. Эта книга – дань уважения ученому, чьими трудами я пользуюсь постоянно.

* * *

Приношу глубокие извинения читателям за возможные погрешности и опечатки, которые могли быть не замечены мною.

В.С. Флёров
Март 2011 г.

Термин «город» и что за ним стоит

Из истории и историографии города

Распространённое явление в археологии – существование стереотипов, рождение которых весьма трудно проследить в историографии. Это относится и к термину «город», достаточно прочно утвердившемуся в археолого-исторической литературе при описании городищ Хазарского каганата. Насколько он обоснован материалами раскопок, накопленными к нашему времени? Это предстоит рассмотреть в предлагаемой книге¹.

Но прежде о самом термине «город». Слово «город» русского языка происходит от *городить, ограждать*. Подчёркиваю, *русского языка* (как и некоторых славянских), т. к. в других этимология эквивалента слова может быть совершенно иной, как и его содержание, смысл, вплоть до социального значения.

В римской и раннесредневековой западноевропейской лексике ряд терминов так или иначе также был связан с обозначением укреплений, крепостей, оград: *oppidum* – всякое

¹ См. первые варианты в форме статей (Флёров В.С. 2005, 2007) и тезисов (Флёров В.С. 2008). Предлагаемый текст переработан и значительно дополнен.

обнесённое стенами место, *castrum* – специальное обозначение военного укрепления. В эпоху Каролингов используются *castrum*, *castellum*, *burgus*. В немецком языке термин *burg* – первоначально огороженное, укреплённое место, а позднее – всякий город. Последнее – симптом того, что терминология формализуется, прежнее военное или социально-экономическое содержание терминов стирается.

Города Руси, совершенно несоизмеримые между собою по площади и численности населения, многократно описаны, в том числе в одном из томов серии «Археология СССР» (Древняя Русь. 1985) – Теории возникновения и лежащие в их основе признаки древнерусских городов многочисленны.

Изначально «город» по русской терминологии – это населённый пункт, имеющий по периметру искусственное ограждение в виде стен из любого материала. Они могли и часто сочетались со рвами и валами. При этом было совершенно не важно, кто находился внутри, гарнизон, гражданское население или те и другие. В случае осады население поголовно осуществляло оборону. Не принимались во внимание архитектурно-планировочная структура города, занятия жителей.

Особая тема – становление города, трансформация поселения – *негорода* в город. Тема имеет свою историю и терминологию, в которой фигурирует *протогород*. Это определение принято относить к древнейшим эпохам истории чело-

вечества, в частности к большим поселениям Древнего Востока. Однако мы встречаем его в приложении к памятникам иных эпох и археологических культур других территорий.

«Протогородами» названы большие укреплённые рвами городища первой половины I тыс. н. э. на Северном Кавказе – Брут, равно и Зилги, Алханкала, Нижний Джулат (Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2007. С. 460). Основной аргумент – большие размеры и мощная фортификация перечисленных городищ. Достаточно ли этого, чтобы сближать, к примеру, северопричерноморские собственно города, часто небольшие, и синхронные им указанные большие северокавказские памятники? Вопрос неизбежен. В тезисах одного из докладов В.Б. Ковалевской о городищах Северного Кавказа опять упомянуты те же протогорода с посадами, на которых «следы высокоорганизованных ремёсел свидетельствуют о высокой социальной организации алан». «Расцвет протогородов» отнесён к III–V вв. (Ковалевская В.Б. 2008. С. 51). Примечательно, что непосредственно в ходе доклада В.Б.Ковалевская отметила, что данный термин применительно к перечисленным памятникам надо употреблять в кавычках.

Имея в виду те же городища, несколько дальше пошёл А.А. Туаллагов. С оговоркой «возможно» он пишет о создании в Центральном Предкавказье в II–IV вв. «мощного протогосударственного объединения с необычайно высокоразвитой культурой», с *«урбанистическим типом экономики»* (Туаллагов А.А. 2008. С 48). Правда, автор констатирует, что

основная масса исследованных аланских памятников указанного времени ещё не введена в научный оборот. Тем более нужна осторожность при общих характеристиках происходивших здесь социально-экономических процессов. Признаюсь, для меня осталось неясным, какие черты могут характеризовать «*урбанистический* тип экономики» Центрального Предкавказья первой половины I тыс. н. э. Попутно возникает ещё один вопрос: «необычайное развитие» аланской культуры в сравнении с какими культурами? Вопрос в критериях. Я расцениваю в целом аланскую культуру Северного Кавказа и первых веков н. э., и V–XII вв. как совершенно заурядную, как, впрочем, и культуру Хазарского каганата. Высокоразвитыми их можно назвать разве что в сравнении с восточнославянскими. В археологии вообще существует тенденция называть многие культуры «высокоразвитыми». Всегда возникает вопрос: по сравнению с какими?

«*Протогородской* центр» из нескольких поселений (гнездо поселений) гуннского времени в составе «особой этнополитической *протогосударственной* структуры» выделен в лесостепи Верхнего Дона (Обломский А.М. 2006. С. 240, 241).

Помимо «протогорода» в литературе фигурирует термин «первогород», который я встретил в приложении к поселениям бронзового и раннего железного века Сибири (Кызласов Л.Р. 1999; здесь явно имело место равнодушное отношение автора к изучаемому региону).

Достаточно и этих примеров, наводящих на мысль, что объявление «протогородами» тех или иных поселений осуществляется произвольно (см. ниже раздел «Протогорода»).

Ещё более сложная тема – «города» ацтеков и майя.

Понятие «город» имеет, это известно, весьма расплывчатое содержание как в описаниях прошлых веков, так и в историографии. В современной русской лексике историков и археологов оно применяется к разнообразным объектам во времени, географии, сильно разнящимся в социальном отношении, по фортификации и архитектуре застройки. Вот отдельные примеры.

Городами называются: Поян, Чаньань в Китае; Мохенджо-Даро, Хараппа, Матхура, Амаравати в Индии; Вавилон, Ур, Урук, Лагаш, Дамаск, Тир, Сидон; Троя, Гераклея, Эфес, Милет; Пелла, Фивы, Афины, Антиохия; Ольвия, Херсон, Фанагория; Гераклеополь, Мемфис, Саис; Кирена, Зама, Карфаген, Тингис; Сиракузы, Мессан, Неаполь, Рим; на Пиренеях – Кордуба, Сагунт; Лютетия, Лондиний. Многие из них существуют поныне. Это лишь мизерная выборка из так называемого Древнего мира.

В средние века количество и многообразие городов безмерно возросли во всех областях ойкумены. Вот лишь некоторые, синхронные Хазарскому каганату: Ханчжоу в Китае; Мартабан и Ангкор в Индокитае; Каликут в Индии; Газни, Мерв, Самарканд; Иконий, Хале; Киева и Момбаса в Восточной Африке; Барка и Мисурата, Александрия в Северной

Африке; Мекка/Макораба и Ятриб/Медина, Санаа на Аравийском полуострове; Дамаск, Багдад; Константинополь и Никея; Херсон в Крыму; Средец в Болгарии; Краков, Венеция, Генуя и Винчи, Кордова в Европе и сотни других.

Возьмём также небольшую и преднамеренно неупорядоченную выборку иных показателей – количественных.

Ниневия: протяженность стен 7,5 мили со рвом с внешней стороны (Ллойд С. 1984. С. 212).

Вавилон времени Навуходоносора II (605–562 гг. до н. э.): стены города из сырцового и обожженного кирпича охватывали площадь в 25 кв. км.

Сиракузы: периметр стен в III в. до н. э. 27 км.

Иерусалим: император Тит осадил в городе, по сообщению Тацита, 600 тыс. человек всех полов и возрастов в 70 г. н. э. (Тацит. Кн. 5: *и*). Цифра, конечно, завышена, но даже при десятикратном уменьшении останется внушительное население («600 000» фигурируют и у Ибн Хордадбеха как число иудеев в Александрии (1986. С. 128, § 76); эта цифра известна у многих древних и средневековых авторов, выражает «бесчисленное множество»). Одна из стен Иерусалима несла 14 башен, другая 60, только стена Храма имела периметр в 1100 м. В VI в. население города в пределах 40 тыс.

Рим: по Ибн Хордадбеху (1986. С 104, § 58), длина городской стены от восточных ворот до западных 28 миль.

Константинополь. О нём написано много. Напомню, город в средневековье имел минимум 118 башен. Несколько

линий каменных стен, из которых самая значительная стена Анастасия, измерялись километрами.

Антиохия: население в VI в. в пределах 150 тыс. Протяженность каменных стен ко времени Первого крестового похода достигала 37 км.

Дамаск: в VII в. ещё небольшой: 1600 x 800 м.

Херсонес: население в IV–IX вв. 6–7 тыс. (Сорочан С.Б. 2004а. С. 60). На Херсонес я обращаю особое внимание. Он может быть принят как один из эталонов по численности населения, при известной площади и плотности застройки (Сорочан С.Б. 2005), для сравнения с городищами Хазарского каганата.

Для сравнения можно выбрать любые города сопредельных стран, с которыми у каганата были контакты. В первую очередь это относится к Халифату с его сырцовым кирпичным и каменным строительством. Любопытно отметить, что буквально в те же годы, когда при содействии императора Феофила (829–842) возводились стены Саркела – наиболее совершенной крепости каганата, халиф Мутасим (833–842) строит севернее Багдада собственную столицу город Самарра.

Каждый автор может составлять списки по интересующему его направлению исследования, будь то фортификация и строительный материал, население и т. д. Я же преднамеренно выбрал случайные образцы, показывающие, каких размеров и численности населения могли достигать *города* разных

эпох и культур (о численности населения и методике ее расчета см. Большаков О.Г. 2001. С 98-122).

Непосредственно на прежней территории интересующего нас Хазарского каганата существовали открытые, без стен, города Золотой Орды.

Иногда термин «город» трансформируется, уточняя размеры объекта. Так, в XVI–XVII вв. на Дону возникают казачьи стационарные *городки* с примитивной фортификацией и ещё более примитивными жилищами типа полуземлянок (Рыблова М.А. 2002. С. 26–48). Назвать такие поселения небольшим городом совершенно невозможно, хотя наименование вроде бы к этому располагает. Таким был Черкасск – столица Войска Донского. При основании городка в XVI в. разливы Дона защищали его, к концу XVIII в. они стали препятствием для выполнения столичных функций. Со строительством новой столицы г. Новочеркаска прежняя в самом начале XIX в. официально переводится в разряд станций и переименовывается в Старочеркасскую. Таких превращений, как и вызывавших их причин, в истории множество.

Не следует забывать, что термин «город» продолжает бытовать по настоящее время, причём применяется к поселениям, существующим с древности, и новым, несравнимым между собою ни по каким параметрам. С одной стороны – Самарканд, Баку, Тбилиси, Москва, Самара и аналогичные с населением в сотни тысяч, миллионы человек. С другой – вчерашние посёлки, искусственно переведённые в катего-

рию городов. На Нижнем Дону, к примеру, бывшие ещё в середине XX в. станицы Семикаракорская и Цимлянская (давшие имена известным городищам каганата) ныне «преобразованы» в города, хотя в занятиях их населения сельское хозяйство, включая приусадебное, продолжает занимать заметное место; архитектура совершенно сельская, но они развиваются, население увеличивается. Сегодня отмечается и обратный процесс. В России, как в древности, идёт деградация малых городов. Пример тому Ростов Великий.

Из перечисленного приходится делать вывод: термин «город» (не только в русской историографии) слишком неопределён в применении к любой эпохе. Не буду повторять то, что уже сказано другими историками. Проста и ясна формулировка О.Г. Большакова: *«Понятие “город” относится к числу тех, казалось бы, очевидных истин, которые в силу своей очевидности вроде бы и не нуждаются в определении, но именно поэтому труднее всего ему поддаются»* (Большаков О.Г. 2001. С. и). Исследователи при малейшей возможности привлекают историческую лексику изучаемых ими регионов и эпох и вкладываемые в неё понятия древних и средневековых народов, т. е. населения этих городов, но для Хазарского каганата мы такого источника лишены.

Для Древнего мира и средневековья в лучшем положении оказываются исследователи, располагающие комплексом в составе письменных и археологических источников. Но даже при наличии письменных привлечение археологических

источников крайне необходимо в силу их объективности. В частности, только раскопки позволяют проверить и оценить достоверность сообщений древних авторов о размерах и численности населения конкретного населённого пункта. Столь же надёжна информация археологии о состоянии ремесла, соотношения скотоводства и земледелия (особенно при использовании методов естественных наук, в том числе палеопочвоведения).

Что касается исторических условий и конкретных причин возникновения города, то труды на эти темы бесчисленны, а концепции подчас несовместимы; многие из них уходят в область философии и общей методологии исторической науки. Обзоры мнений представлены во всех исследованиях по городской проблематике. Для хазароведения чрезвычайно продуктивно в методическом отношении обращение к исследованиям по восточной исторической урбанистике, от древнейшей до раннесредневековой. Достаточно упомянуть труды Е.В. Антоновой, О.Г. Большакова, И.М. Дьяконова, Э.В. Сайко.

Не желая затруднять читателя историографическими экскурсами в востоковедение и его достижения в изучении древнего города, остановлюсь на примере иного характера, почерпнутом из востоковедения. Он привлёк меня стремлением использовать некую общую вневременную схему в изучении города и его становления на примере Ашшура (Бондарь С.В. 2008). Исходный тезис исследования: «...при всём

многообразии и многоукладное™ современного общества, при всех изменениях, которые *город* претерпевал в ходе эволюционного развития человечества, всегда *сохранял универсальную структуру* своей системы. Менялись исторические реалии, эпохи, калейдоскопом мелькали герои, события, изменялись традиции, но неизбежно проявлялись *универсальные законы развития*» (Бондарь С.В. 2008. С. 7). Далее в главе «Причинно-системный подход в исследовании древнего города» (заголовок говорит сам за себя) автор определяет «общественно-историческую систему (каковой является и древний город) следующим образом: *«Общественно-историческая система – упорядоченная, логическая конструкция, модель, содержащая в своей основе набор постулатов и обладающая в своей совокупности общей функцией по отношению к метасистеме, что позволяет учёному (или научному коллективу) организовать исследования упорядоченным и осмысленным образом»* (Бондарь С.В. 2008. С. 45). Некоторое противоречие во фразе заметно сразу. Общественно-историческая система в ней определяется и как объект исследования (город), и как метод. Вся глава посвящена расшифровке «общественно-исторической системы» вплоть до многочисленных графиков сопряженности разных понятий и явлений². Парадокс заключается в том, что в книге

² Перечислю только некоторые разделы и термины. Общественно-исторические системы являются сложными, нелинейными, целенаправленными, динамическими, многоуровневыми и т. д. Предлагаются различные иерархии, выраженные вербально и графически. Рассматриваются законы полярности и дуализма

вся сложная теоретическая схема не реализована и не могла быть реализована ввиду своей искусственности, а также в силу отрывочности исторических сведений и неоднозначности в понимании документов.

Теоретические поиски С.В. Бондарь интересны прежде всего как неудачная и потому поучительная попытка преодолеть неполноту и отрывочность источников обращением к умозрительной схеме. Этот опыт должен быть учтён и в хазароведении, где база источников по всем типам поселений ещё весьма скудна.

мира, преемственности и подобия, причинно-следственной связи, цикличности, альтернативности.

В поисках хазарских городов

Мнение о существовании в Хазарском каганате *городов* (множественное число!) исподволь складывалось десятилетиями и стало чуть ли не аксиомой, проникшей даже в учебники (История евреев... 2005. С. 8). Так ли это?

Подойти к решению проблемы города в Хазарии позволяет строгое рассмотрение археологического материала в поиске того, могут ли некоторые археологические памятники каганата претендовать на определение «город». В самом общем виде программа исследований может быть сформулирована так: *город или что-то иное.*

Для Хазарии она может выполняться на основе планов поселений, размеров и объёма фортификационных сооружений, конструкции построек.

Вопрос об отделении ремесла от сельского хозяйства для каганата не стоит. Его ремесленники-профессионалы были рассредоточены в массе земледельцев и скотоводов. Структурированных поселений ремесленников, полностью оторванных от занятий сельским хозяйством, Хазария не знает. Есть места сосредоточения нескольких гончарных мастерских, как, например, Канцерка или «гончарная слобода» Маяцкого поселения. Но называть их «ремесленными центрами» невозможно. Работа в них была сезонной, в климате лесостепи она и не могла быть другой. Такой же сезонной была

и выплавка железа в районе Ютановского городища и других местах. Безусловно, существовала категория бродячих мастеров в ремеслах, требовавших специальных навыков и инструментария, как ювелиры, кузнецы или косторезы (Флёрова В.Е. 2001a) и др. В данной работе тема ремесла в Хазарском каганате не рассматривается. Детально её можно изучать по раскопкам поселений.

Тут уместно напомнить, что всегда существует соблазн, который очень часто реализуется в археологии: причислять к городам «большие» памятники, скажем, больше средних по площади поселения в данной археологической культуре. Путь весьма ненадёжный, особенно в отношении поселений и городищ неисследованных или с небольшим процентом вскрытых площадей.

* * *

М.И. Артамонов и его ученик И.И. Ляпушкин, заложившие основы современной салтово-маяцкой археологии, к социологическим вопросам поселений не обращались.

Проблема «город Хазарии» внедрена в археологическое хазароведение С.А. Плетнёвой, о чём заявлено в названии её книги «От кочевий к городам», в которой выделен раздел «Города». Название отражает прямолинейную схему развития каганата в указанном направлении, что неоднократно вызывало критику (Степанов Ц. 2002. С. 25). Тогда ав-

тор отнесла к ним Итиль, Саркел, Семикаракоры, Семендер, упомянуты «остальные неизученные» (Плетнёва С.А. 1967. С. 44–48).

Спустя двадцатилетие появляется обзорная статья С.А.Плетнёвой «Города кочевников» (Плетнёва С.А. 1987)? посвященная в основном генезису указанных объектов. Археологический материал в ней занимает второстепенное место. О каганате сказано немного. Теоретическая основа статьи прежняя – «от кочевий к городам». Поэтому не удивляет вывод о появлении городов у кочевников «только на высшей стадии их экономического и социального развития – на третьей стадии (полуоседлости)» (Там же. С. 204, 205). В качестве примера приводится Итиль, который был *зимником* кагана, в то время как основное население было уже *оседлым и земледельческим*. В связи с этим напрашивается перестановка акцентов. Экономику Итиля определяли всё-таки не традиции кагана, но основное производящее население, оседлое и земледельческое. Отсюда возникает вопрос о правомерности самого словосочетания «города кочевников». Это попытка соединить антиподы. Либо кочевники, либо города с постоянным населением, для которого и третья стадия кочевания – пройденный этап. Другое дело, что тенденции к оседанию проявлялись исподволь раньше.

Тезис С.А. Плетнёвой о том, что «первым вариантом образования степных городов было активное заселение окружающей *замок* территории и превращение её в ремесленный

посад», вызывает у меня принципиальное возражение. Процесс при нормальных внешних условиях шёл в прямо противоположном направлении. Сами «замки» вождей возникали в опробованных местах, там, где ранее уже проявилась оседлость, существовало постоянное население. Миниатюрные «замки» не могли возникать в *безлюдной* степи. Концентрация населения была неременным фактором безопасности их существования. В археологическом плане это означает, что рядом с любой крепостью, каменной или кирпичной, или в округе следует ожидать открытия более ранних поселений. Проверить мою версию можно при одновременных раскопках крепостей и соседних поселений, сравнивая датирующие (или дающие относительную дату) материалы.

Лишь в пограничных зонах крепости могли по необходимости ставиться в незаселённых местах, но это уже не «замки феодалов»³, а оборонительные пункты государственного образования или местного вождя (к теме замков я вернусь в разделе о Правобережном Цимлянском городище). Становление пограничной крепости тоже требовало привлечения большого числа населения как рабочей силы для строительства, защиты, обслуживания и постоянно как производителя сельхозпродукции. Однако концентрация населения около крепости не означает, что возник «город». Забегая вперёд, отмечу, что таким объектом с некоторыми натяжками

³ С.А. Плетнёва часто использовала определения «замки», «феодалы». Надо учитывать, что к Хазарскому каганату они применимы условно.

мог быть только Итиль. Всё-таки не случайно раздел об Итиле Б.Н. Заходер назвал «*Зачатки городской жизни*» (Заходер Б.Н. 1962. С. 167).

В 2002 г. выходит ещё одна статья С.А. Плетнёвой по проблеме городов в Хазарии. В ней исследовательница начала отказываться от прямолинейных решений (Плетнёва С.А. 2002). Комментировать её из-за многих противоречий очень сложно. В ней можно усмотреть попытку, хотя очень непоследовательную, пересмотра прежних взглядов автора. Обращают на себя внимание нюансы. Так, статья снабжена подзаголовком «К постановке проблемы», хотя именно сама исследовательница, дважды подчеркнувшая свой приоритет, поставила проблему уже более сорока лет назад, а отнюдь не «впервые». Выделяя интересующие нас более всего степные памятники, собственно салтово-маяцкие, С.А. Плетнёва предлагает неустойчивые характеристики памятников, проявляя в них заметные колебания. Не случайно она допускает возражения своим выводам. Показательна фраза «...некоторые памятники, привычно считавшиеся в археологической науке городами, таковыми вряд ли являются» (Там же. С. 123). Но «привычно» можно было отнести только к немногим археологам, но не к археологической науке вообще.

Заметна неустойчивость и в терминологии. Такие определения, как «провинциальный пограничный *городок*», «небольшой *городок*» и аналогичные, не помогают решению

проблем. Предваряя описание «поселений» Верхнесалтовского, Маяки, Малого Сидоровского, Ютановского, Маяцкого, С.А. Плетнёва определяет их как «города?», но в дальнейшем знак вопроса исчезает.

В качестве второго типа городов С.А. Плетнёва впервые выделяет *степной*. Собственно степные Саркел и Семикаракоры ею из разряда городов исключены, с чем, впрочем, я полностью согласен.

Автор по-прежнему полагает, что «степные города» Хазарии выросли из «ставок (стойбищ) богатейших аристократов». В этом её позиция неизменна, хотя археологически это не подтверждено ничем. В качестве примера исследовательница называет ненайденный Итиль, что, разумеется, доказательством служить никак не может. Доказательства надо искать не в теории, не в наших «соображениях», а в полевой практике. Прежде всего необходимо встретить соответствующую стратиграфическую ситуацию, минимум двухслойную. Но как отличить слой обычного поселения от слоя «стойбища кагана»? На современном уровне знаний салтово-маяцких поселений и хронологии керамики это практически невыполнимая задача.

* * *

Непосредственно систематизацией критериев «городов» Хазарского каганата никто серьёзно не занимался. Мне уда-

лось найти лишь одну публикацию на эту тему: тезисы В.А. Катунина (Харьков). Несмотря на обещающее название, она разочаровывает (Катунин В.А. 2000. С. 187, 188). Автор предложил для выделения городов Хазарии просто использовать «разработанные А.В. Кузой для древнерусских городов» критерии. Такой перенос признаков памятников из одной культурной среды в иную принципиально неприемлем. Неудивительно, что автор вынужден из списка А.В. Кузы исключить монументальное зодчество и тип городской застройки. Катунин не остановился на Хазарии, но пошел далее, предлагая распространить систему А.В. Кузы на Волжскую Болгарию, Иран, Византию и даже Западную Европу. Как я попытаюсь показать в заключении очерка, самим хазароведам необходимо досконально изучать вековой опыт западной и восточной средневековой истории по проблеме города.

В предлагаемом ниже обзоре рассматриваются городища, в основном с каменной и кирпичной фортификацией, бассейна Дона с его главным притоком Северским Донцом – территория, где культура Хазарского каганата, салтово-маяцкая, сложилась и в дальнейшем развивалась в чистом виде. Именно для этого региона и необходимо решать вопрос о «городах» Хазарии. Но привлечены и памятники соседних регионов, Крыма, Дагестана, Чечни, для которых чаще всего можно встретить определение «города Хазарии», что далеко не так.

Археология в рассмотрении поселений даёт большие преимущества в сравнении с письменными традициями. Предмет её изучения достаточно конкретен, источники практически неисчерпаемы. Следует учитывать и то, что на планы, фортификацию и постройки раскапываемых поселений проецируются конкретные предметы древнего обихода.

В подходе к хазарским «городам» особо выделяю два признака. При этом под «хазарскими» подразумеваются исключительно памятники в бассейне Дона и, возможно, Итиль. Речь идёт о городищах, возведённых самим населением каганата, а не наследованных от предшествующих эпох.

1. Архитектурно-планировочный облик. При обращении к памятникам любой древней культуры его исключать невозможно. Он материально (до визуальности), *археологически* отличает город от села/деревни. В нём отражаются социальная структура городского населения, его состав и организация. Всё-таки облик поселения как *города* (не села!) определяли не жилища знати/ аристократов, не культовые строения, а тип и структура расположения жилищ горожан с их образом жизни и занятиями. Даже при наличии письменных источников только археология во всей полноте даёт представление о плане и архитектуре древнего города. Город без рядового городского населения – это нонсенс. Не буду раз-

вивать эту многократно обсуждавшуюся тему. За нею встаёт не менее сложный вопрос о функции того или иного поселения, которому присваивается название «город», о городах-крепостях и т. д. Здесь теория города должна неразрывно сочетаться с конкретикой исследуемых поселений и общества, к которым они принадлежали.

2. Структура. Как ни странно, признак не однозначен. Нет ясности, что включать в состав «города», только ли городища или вместе с ними и прилегающие открытые поселения. Появляется большой соблазн начать некоторые игры с термином «посад».

Ниже я коснусь лишь некоторых археологических памятников исключительно с целью показать состояние проблемы «существовали ли в Хазарии города?». Будут упоминаться преимущественно те же археологические памятники, что и в статье С.А. Плетнёвой (2002). Все они известны по многим публикациям. Поэтому я предельно ограничу ссылки на издания. Это преимущественно памятники с кирпичной или каменной фортификацией. Обращение к некоторым городищам с валами (Сидоровское, Андрей-аул, Маяки) спровоцировано другими авторами, представляющими их остатками городов.

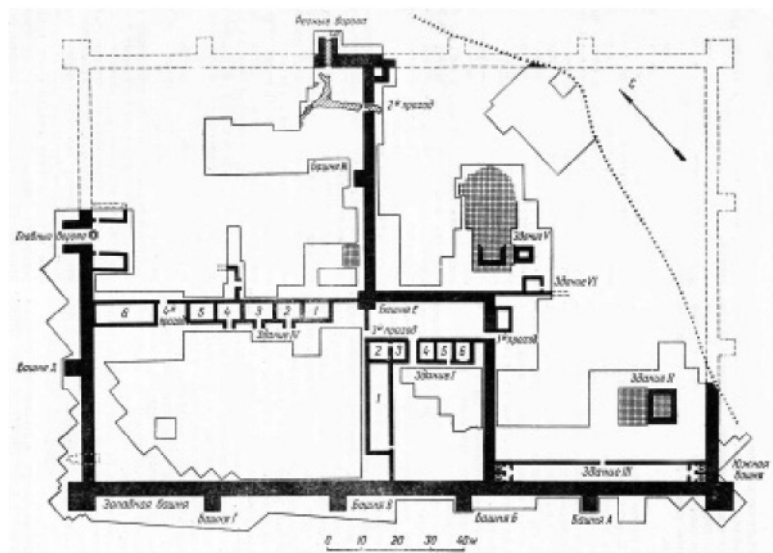
Бассейн Дона – Северского Донца

Саркел-Белая Вежа

М.И. Артамонов о Саркеле

С.А. Плетнёва пишет, что в 30-е гг. М.И. Артамонов «утверждал», среди прочего, что «в первой половине X в. Саркел был уже городом, о чём свидетельствуют остатки ремесленных мастерских» (Плетнёва С.А. 1996. С. 6). М.И. Артамонов не только не *«утверждал»* этого, но и никогда не занимался теоретическим вопросом, является ли Саркел городом (Рис. 1, 2). В археологических разделах своих трудов М.И. Артамонов избегал поверхностного теоретизирования, предпочитая анализировать непосредственно источники. Только в связи с сообщением Константина Багрянородного он дважды употребил термин «город». Типичное выражение М.И. Артамонова – «*городище*», не только для Саркела, но и для Правобережного Цимлянского, Потайновского и других. Характерные же для Саркела – «кирпичная крепость» или «крепость» (Артамонов М.И. 1935. С. 81–85 и сл.). Гораздо более показательна итоговая статья М.И. Ар-

тамонова, в которой Саркел недвусмысленно назван крепостью (Артамонов М.И., 1958. С. и, 48).

Илл 1. Саркел. Общий план крепости

Илл. 2. Раскопки Саркела. Аэрофотоснимок, 1951 г.

Уровень развития ремесла в Саркеле ничем не отличался от общего для каганата. М.И. Артамонов упоминает несколько гончарных печей и косторезное дело. Что касается мастерских, на которые ссылается С.А. Плетнёва, то известна одна (!): «Несомненных следов металлургического производства в хазарском слое Саркела не найдено, за исключением одной кузницы...» (Артамонов М.И. 1958. С. 39~43)-

Белую Вежу, т. е. Саркел русского этапа, М.И. Артамонов действительно называл городом и в последних работах, явно в соответствии с ситуацией своего времени. Но в 1934 г. он

отмечал, как неверно оценённые результаты раскопок, проведённых в течение нескольких дней, способствовали «возвеличиванию» Белой Вежи. «...Произведённые здесь (на городище. – В.Ф.) Сизовым и Веселовским раскопки дали крайне неотчётливый материал, среди которого наиболее заметное положение заняли вещи русского происхождения, в связи с чем *явилась тенденция рассматривать Цимлянское городище как русский город, как форпост русской культуры* в её распространении к Востоку для одних, или же даже, как указание на глубокую древность русского населения на Дону и движения его на запад для других» (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 122).

То, какие разные определения давал М.И. Артамонов в разное время Саркелу и Белой Веже, хорошо прослеживается по архивным материалам, опубликованным в книге Н.А. Медведенко. При том что в ранних заметках по отношению к Саркелу можно встретить и «город», и «крепость», медленная трансформация в сторону «крепости» очевидна. До и после раскопок 1934 г. Артамонов прямо говорит о *городе* Саркеле (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 119, 122), но тогда же появляется и двойное «*город-крепость*» (Там же. С. 124). Однако уже в 1935 г. после двух сезонов раскопок встречаем более ясную формулировку: «Можно говорить, что это действительно было *укрепление*, которое *превратилось в город, в ремесленный центр в русскую эпоху*». Знаменательно завершение: «Но для меня Саркел интересен только до этого

момента» (Там же. С. 127). Объявить год спустя отсутствие интереса к русскому городу было бы небезопасно, тем более в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в.

В 1949 г. в тезисах к выступлению на Пленуме ИИМК Белая Вежа названа «городом», а её могильник «городским кладбищем», но в тезисах 1950 г. «кладбище» лишь дополняет данные «*городища*» (в: Медведев Н.А. 2006. С. 134, 135). И тем не менее Белую Вежу в итоге он относит к специфическим «пограничным *городам-крепостям*» (Артамонов М.И. 1958. С. 56).

Особенностью Белой Вежи была её территориальная удалённость от собственно русских земель. Отсюда необходимость самообеспечения продуктами как ремесла, так и сельского хозяйства. Последнее же «было необходимым условием развития всех других, уже собственно городских видов хозяйственной деятельности» (Артамонов М.И. 1958. С. 65).

Не в укор М.И. Артамонову замечу, что несколько завышенную им оценку ремесла беловежцев надо объяснять опять-таки политическими особенностями времени, в которое писалась статья. Но, декларировав в тезисах к Пленуму ИИМК 1952 г. (время борьбы с космополитизмом) обнаружение «*многочисленных* ремесленных мастерских русского периода», назвать он смог всего две – кузницу и мастерскую по обработке янтаря (в: Медведев Н.А. 2006. С. 136). После известной публикации в газете «Правда», по сути отстояв все свои основные позиции на заседании Ученого совета

ЛГУ, М.И. Артамонов обязан был произнести: «Материалы, полученные раскопками Саркела-Белой Вежи, убедительно свидетельствуют о превосходстве русской славянской культуры над предшествующей хазарской». А по-другому сравнивать в той конкретной ненормальной политической ситуации культуры славянскую и салтово-маяцкую было невозможно. Любопытно, что уже в 1958 г. он замечает, что и эта кузница возникла, кажется, в хазарское время (Артамонов М.И. 1958. С. 43). Невозможно представить, что *археолог* Артамонов не видел несравнимо более высокий уровень материальной культуры Хазарского каганата во всех её проявлениях.

Сегодня известно, что в выработке черных металлов и изделий из них каганат опередил славян даже хронологически, а в гончарном ремесле превосходил во все века своего существования. Да и в целом салтово-маяцкая культура несравнимо выше культур соседних славянских племён, в частности боршевской.

В итоге, оценивая сегодня высказывания М.И. Артамонова о Саркеле, как и о Белой Веже, надо постоянно помнить, что в его время проблема «город в Хазарском каганате» во всей её полноте не стояла. Само собой подразумевалось, что города в Хазарии были, как известные по именам, так и ещё не найденные. Что касается «замка», Правобережного Цимлянского, то такое определение возникло по иной причине. Правобережная крепость рассматривалась им в русле проти-

востояния местных «феодалных образований» и центральной власти (в: Медведев Н.А. 2006. С. 121), а где речь заходила о феодализме, там появлялся и «замок» – укрепление феодала, как аллюзия Западной Европы. Но тему феодализма в Хазарии М.И. Артамонов в своих исследованиях глубоко не затрагивал. В течение всей творческой жизни изучая Хазарский каганат во всех его иных проявлениях, он подытожил: «Не следует забывать, что Хазарское государство было первым, хотя и примитивным, феодальным образованием Восточной Европы, сложившимся на местной варварской основе, не прошедшей через рабовладельческую формацию» (Артамонов М.И. 1962. С. 37). «Государство, феодальное», но при этом, обратим внимание, – *примитивное образование*. «Образование» – что-то неопределённое, аморфное, неустойчивое. Обращаясь к творческому наследию М.И. Артамонова, необходимо учитывать, когда и по какому случаю дано то или иное заключение. Многие археологические представления и высказывания раннего М.И. Артамонова сегодня имеют лишь историографический интерес, но знать их необходимо, чтобы понимать, как складывались не только его поздние взгляды, но и положения современного хазароведения, в том числе и ошибочные.

«Саркел и “Шёлковый путь”»

Это программное название носит книга С.А. Плетнёвой,

требующая отдельного и детального рассмотрения по многим вопросам (Плетнёва С.А. 1996), что выходит за рамки нашей темы.

Трактовке Саркела как «перевалочного пункта (на северном ответвлении Великого шёлкового пути. – В.Ф.) и крупнейшей таможни в стране» (Там же. С 150) противоречит констатация в заключительном разделе книги: «Высказанные гипотезы об экспорте⁴ в Саркеле и через Саркел в IX в. основаны на *крайне небольшом количестве конкретных материалов на памятниках. Что же касается прямой связи Саркела с «шелковым путём», то их по существу нет*» (Там же. С. 153; выделено мною. – В.Ф.). К этому приходится добавить, что реконструкция двух отсеков крепости как «караван-сараев» построена на серии предположений. «Сохранность всех помещений очень плохая», – отмечает автор. Другими словами, сам археологический источник ненадёжен, отсюда выделение «гостиничного комплекса», двухэтажность зданий и трактовку каждого помещения (Там же. С. 35–56) принять не представляется возможным. Впрочем, ещё М.И. Артамонов, ориентируясь на толщину стен и допуская, что здания могли быть двухэтажными, объективно подчеркнул, что «никаких следов вторых этажей, хотя бы в виде остатков лестниц, которые вели наверх, не сохрани-

⁴ Вероятно, не экспорте, а импорте, так как далее речь идёт об «импортных», т. е. привозных, предметах: согдийской фигурке слона и самаркандской бумаге. О малочисленности восточных импортов в каганате см.: Равич И.Г., Флёров В.С. 2000.

лось» (Артамонов М.И. 1958. С. 18).

Было бы некорректно с моей стороны умолчать, что и М.И. Артамонов в тезисах по итогам раскопок 1950 г. упомянул здание «типа караван-сарая» (в: Медведенко Н.А., 2006. С. 134), но затем к этой версии не возвращался никогда.

В связи с проблемой «караван-сарая» ответу на небольшую реплику Ф.Х. Гутнова на мою совместную с ИХ Равич публикацию по поводу случайного, не в качестве товара, попадания в Саркел шахматной фигурки и бумаги среднеазиатского происхождения, а в погребение у Большой Орловки – восточного блюда. Наше сомнение в регулярных торговых связях с Востоком, если угодно, по ответвлению Шелкового пути, ввиду недостатка археологических подтверждений, Ф.Х. Гутнов назвал «излишне принципиальным подходом». Приходится заметить: принципиальность не имеет степеней (не может быть излишней или недостаточной). Не будем, однако, придирааться к неудачному выражению, но нельзя не считаться с тем, что Саркел (Левобережное Цимлянское городище), как и соседнее Правобережное Цимлянское городище, раскопки которого ныне возобновились, не дают оснований для противоположного утверждения. Иное дело, что в культуре каганата и сопредельных территорий прослеживается много связей с культурой Средней Азии, в частности Согда (в поясных наборах, даже в прикладном искусстве – Флёрова В.Е. 20016), но это совершенно иное явление, тре-

будущее специального изучения. Возражая мне и И.Г. Равич, Ф.Х. Гутнов пишет: «Саркел первоначально представлял собой крепость, *специально* (выделено мною. – В.Ф.) построенную для размещения в ней караван-сарая для остановок проезжавших по Хазарии купеческих караванов» (Гутнов Ф.Х. 2007. С. 247). Откуда такая уверенность? Ссылка на «дословный перевод» С.А. Плетнёвой топонима «Саркел» как «белая гостиница» не может быть принята. С.А. Плетнёва, кстати как и автор данных строк, не владела восточными языками. Напомню, *что* писал о переводе слова «саркел» Б.Н. Заходер: «История расшифровки этого названия настолько почтенна, что сама по себе может стать темой для очерка» (Заходер Б.Н. 1963. С. 192).

* * *

Саркел (Левобережное Цимлянское городище) – это кирпичная миниатюрная крепость, 178,6 x 117,8 м по внутреннему периметру. В жилищах нет ни малейших признаков, отличающих эти постройки от известных по сельским поселениям. Ничем не выделяется и материальная культура. Кирпичные помещения внутри крепости, на мой взгляд, вероятнее всего складские помещения, арсеналы. Для жилья они мало пригодны, особенно в зимнее время, так как для поддержания внутри них плюсовой температуры требовался бы большой расход топлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.